

К. А. Степанян: *Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени*. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с., (=Studia philologica).

Книга К. А. Степаняна «Достоевский и Сервантес» тематически восполняет зияющую лауну в истории исследования творчества Достоевского. До сих пор этой теме (как, к примеру, насколько мне известно, теме «Шекспир и Достоевский») не было посвящено специальных монографий. Конечно, подобного рода исследование требует от филолога высокого уровня профессионализма и обширной эрудиции, ибо речь идет о писателях, великие произведения которых составили эпохи в истории мировой культуры. Кроме того, истории изучения этих произведений на сегодняшний день насчитывают уже столетия и являют собой самостоятельные отрасли в истории гуманитарной мысли. Карен Степанян выбрал свой аспект чрезвычайно обширной и сложной темы и последовательно развил его в XV главах монографии. Его работа, безусловно, является новаторской. Однако по жанру и по методу она более относима к сочинениям в области истории идей, чем, в строгом смысле слова, к историко-литературным трудам в сфере компаративистики.

Понятие диалога, вынесенное в подзаголовок книги, является одним из смыслообразующих в сочинении К.А.Степаняна. Конечно, имя Бахтина, которое возникает в первых строчках монографии и сопровождает ее до завершающих книгу слов, обозначает принципиальную теоретическую систему координат работы, ведь в ней по большому счету предпринята попытка анализа духовного смысла диалога произведений и писателей разных эпох: Сервантеса и Достоевского. Вместе с тем, необходимо указать на то, что К.А.Степанян рассматривает синхронический аспект «диалога во времени». Под «большим временем» в исследовании, очевидно, подразумевается метафизическая сфера бытия идей и образов.

Первая глава посвящена биографии Сервантеса, во второй рассматриваются Средневековье и Возрождение. В главах четвертой и пятой исследуются соответственно истории создания «Дон Кихота» Сервантесом и вопрос о значении этого произведения в жизни Достоевского. В шестой и седьмой главах (а затем X - XIII) анализируется проблема сопоставления князя Мышкина и Дон Кихота: именно эта проблема, судя по всему, дала исходный толчок к написанию монографии, и именно она является центральной в книге. Главы VIII, XIV и XV посвящены изучению значения «Дон Кихота» для следующих

после «Идиота» произведений Достоевского: XIV – «Бесам», XV – новой, открытой К. А. Степаняном, теме соотношения романов «Странствия Персилеса и Сихизмунды» и «Братьев Карамазовых».

Необходимо, конечно, более подробно остановиться на центральной теме книги – сопоставлении Дон Кихота и князя Мышкина. Главной мерой в этом сопоставлении становится соотношение образов героев с образом Христа. Такой подход, как известно, не нов. В гуманитарной сфере он получил наименование «православного литературоведения». И с позиций этого подхода в 1990-2000-е года я тоже писала о проблеме интерпретации князя Мышкина в контексте темы Христа у Достоевского. Тщательный анализ авторской модальности амбивалентной по своему характеру поэтики образа князя привел меня в конце концов к выводу об утверждении писателем в романе позитивного смысла своей «старинной и любимой идеи».¹ Карен Степанян в рассматриваемой монографии остается верен занятой им позиции отрицания позитивного смысла образа «положительно прекрасного человека» Достоевского. Показательной в этом плане является X глава «Изменение имени. Франциск Ассизский и путешествие за верой». Правда, в дальнейших главах К.А.Степанян пытается уравновесить суровый приговор, вынесенный князю Мышкину, размышлениями о христианской трагедии, любви автора к человеку и даже о вреде осуждения. Но методологически проблему интерпретации авторской модальности образа героя эти размышления не решают. Отношение к героям «как к живым людям» тоже вызывает некоторое недоумение, ведь герои не являются самостоятельными субъектами действия, их поступки (как и сюжет произведения в целом) предопределены художественной логикой воплощения замысла автором. Сам Карен Степанян, анализируя подготовительные материалы к «Идиоту», совершенно справедливо отмечает, что воля автора предопределяет каждый шаг его героя. Так неужели Достоевский – писатель-идеолог, страстный публицист, блестящий ритор и великий художник - оказывается не в состоянии утвердить в художественном образе «положительно прекрасного человека» и в целом в романе свой идеал сострадания и любви к ближнему?

---

¹ См. мою статью «Князь Мышкин и царь Федор Иоаннович. К проблеме соотношения эпического и трагического в романе “Идиот”» («Достоевский и мировая культура» №24, СПб., 2008.С.76-82).

Впрочем, по большей части методологические проблемы рецензируемой книги predeterminedены нынешней эпохой в истории идей и мировоззренческой позицией ученого. В целом же труд К. А. Степаняна «Достоевский и Сервантес. Диалог в большом времени», безусловно, является этапным в истории достоевсковедения исследованием, открывающим новую эру в изучении темы Достоевского и Сервантеса. В книге собран большой и интересный материал, представлено много свежих и ярких наблюдений, которые, вне сомнения, обозначат ряд направлений для будущих разработок этой обширной и богатой темы.

А. В. Тоичкина

Санкт-Петербург

Б. Н. Тихомиров: *«Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском*. СПб.: Серебряный век, 2012. 504 с.

В книге известного исследователя творчества Достоевского Б. Н. Тихомирова собраны работы, написанные в течение последних 20 лет. В книге три раздела. Первый, «Бог, Христос, Человек в наследии Достоевского», содержит восемь статей, посвященных проблеме характера религиозного мировоззрения писателя, преломления его верований в поэтике его произведений.

Первая статья посвящена проблеме изучения религиозного смысла реализма Достоевского, далее три главы – вопросу о понимании Достоевским Христа («Христология Достоевского», «Христос и Истина в поэме Ивана Карамазова “Великий Инквизитор”», «Христос Достоевского versus Христос Набокова»). Далее следуют главы, посвященные «русской идее» в творчестве Достоевского («Наша вера в нашу русскую самобытность»), соотношению евангельского и народного христианства («Гаршин, Достоевский, Лев Толстой»), теме «прозрения» и «мечты» в религиозном мировоззрении Достоевского («Достоевский и малый Апокалипсис евангелиста Матфея»), теме детей в религиозном аспекте («Дети в Новом Завете глазами Достоевского»).

Во втором разделе, «В лабиринте сцеплений», перемежаются статьи теоретико-интерпретационного характера (такие, например, как объемная статья, посвященная задаче интерпретации «Записок из